

В АМЕРИКУ Петр Ильич Чайковский приехал с женой. То есть как? С какой женой?

Не знаю, но именно так написала нью-йоркская газета «Нью-Йорк дейли трибюн» в номере от 27 апреля 1891 года. В номере, появившемся на следующий день после того, как композитор сошел на американский берег с парохода «Ле Бретань».

Привожу сообщение почти что полностью.

Заголовок «Прибытие хорошо известного композитора». И дальше:

«П. Чайковский, хорошо известный композитор, прибыл вчера в Нью-Йорк. Он приехал, чтобы дирижировать исполнением некоторых из своих произведений в музыкальном зале, основанном Эндрю Карнеги на перекрестке Пятьдесят седьмой улицы и Седьмой авеню. Господина Чайковского, которого сопровождала его жена, из порта сразу же доставили в гостиницу «Норманди».

За жену, как выяснилось, репортер «Дейли трибюн» принял юную дочь одного из тех, кто встречал Чайковского.

Петр Ильич этого сообщения, наверное, не видел, иначе не преминул бы откомментировать его в своих дневниках, которые в Америке, все двадцать пять дней пребывания там, вел с присущим ему тщанием, и в многочисленных письмах, отправлявшихся из-за океана родным и знакомым.

А вообще-то за прессой композитор следил очень внимательно. Пресса была восторженной, но порой и обидной. Обидной не острыми замечаниями критиков — таких замечаний и не было вовсе, — а отзывами личного свойства. Именно таким отзывом была, например, реплика рецензента из «Ивингг пост», обратившего внимание на то, что русский композитор «выглядит старше своих лет». Хотя рецензент и добавил, что «огонь в глазах, энергичность, творческая спонтанность, показанная в последних работах, и говорят нам: у него за плечами всего полвека», хотя и добавлено это было, композитор расстроился. Расстройство усилено было и тем, что, как видно из дневниковых записей, даже Эндрю Карнеги, основатель музыкального зала, на открытие которого и был зван Петр Ильич в Америку, не проявил надлежащего такта и выказал удивление тем, насколько старовато смотрелся Чайковский в сравнении со своим возрастом. После таких разговоров композитору целую ночь виделись кошмары — так писал он в дневнике, в записи, датированной восьмью мая, то есть через день после того, как исполнился ему пятьдесят один год.

Право, не знаю, до какого состояния доведен бы был

БЕЗ ТРИНАДЦАТОГО ЭТАЖА

композитор, оказался он в Америке в наши дни: пресса времен столетней давности была все же поспешнее, поспоконнее, и ее вторжение в личную жизнь, как судить можно о том по сохранившимся с тех пор публикациям, было, пожалуй, совершенно безобидным и даже невинным. А Петр Ильич человеком был очень впечатлительным: не раз и не два всплакивалось ему в Америке, о чем он и сообщал своему дневнику и своим родным в России.

Рвался он в Россию прямо с первого дня пребывания в Нью-Йорке. Думы только об одном: домой, домой, домой — писал композитор Владимиру Давыдову, племяннику своему.

А вообще-то приглянулась Америка Чайковскому. Многим поражен он был здесь, многому удивлялся.

Тому, например, как скрупулезно точны американцы, начиная не только встречи, но и торжественные ужины, начавшиеся и кончавшиеся в строго оговоренное время.

Или тому, как в каждом гостиничном номере была ванная комната с раковиной и ванной и с проточной водой, холодной и горячей.

Или тому, как никто, кроме слуг, не поднимался в гостиных пешком по лестнице: только на лифтах.

Или тому, что свечи и не использовались в Нью-Йорке для освещения — только электричество и газ.

Удивлялся Петр Ильич домам многоэтажным. Удивлялся и пугался. С растерянностью писал, что в Чикаго люди пошли еще дальше, построив здание двадцатидвухэтажное. Написав о своей растерянности, композитор поставил три знака восклицания. И еще он поражался тому, как люди жить могут в таких гигантских домах. На тринадцатом этаже, например.

В нынешнем Нью-Йорке нет тринадцатых этажей. То есть физически они есть, но считаются четырнадцатыми. Сразу после двенадцатого этажа в нью-йоркских лифтах зажигается надпись: «Четырнадцатый». Суверенна Америка...

И привлекли мое внимание в письмах и дневниковых записях композитора те пассажи, где речь шла о меценатстве в Америке. Отметим, что «главный интерес» американцев — прибыль, выгода, Петр Ильич просто-таки с восторженностью писал о готовности состоятельных людей поддерживать финансами музыку, искусство, строить музыкальные залы, подобно залу, построенному на средства Эндрю Карнеги, и содержать оркестры.

А у нас, сетовал композитор, ничего подобного нет.

Америка не ушла далеко с тех пор: меценатство — по-прежнему ключевой источник финансирования театров, музеев, музыкальных коллективов.

Еще раз скажу, Америка произвела в целом неплохое впечатление на композитора, Петр Ильич этого и не тайл. В интервью, которое он дал газете «Нью-Йорк уорлд» и которое опубликовано было в номере от восьмого мая, сказано было: «Широтой души своей и великолепным гостеприимством американцы очень напоминают мне русских. И я очень рад тому, что нахожусь здесь и что встречаю такой прием, который объясним может быть только давними дружественными дипломатическими отношениями между империей и великой республикой. Мне жаль, что интеллектуальная жизнь России и прогресс, Россией достигнутый, не известны здесь в большей мере, чем сейчас. Но я настолько очарован Америкой и американцами, что уверен: сделаю все, что в моих силах, дабы в дальнейшем Америка больше узнала о музыкальной культуре России. Полагаю, что это не последний мой приезд в Америку. Нет, я не стар. Я только-только отметил свой день рождения — пятьдесят один год. Мои волосы седы, дирижерская работа требовала от меня большой отдачи, большой энергии. Но я надеюсь, что мне будет еще не раз позволено насладиться теми почестями, которые американские слушатели с такой охотой воздают мне».

Не суждено было этому сбыться. Увы...

Александр ШАЛЬНЕВ.

(Соб. корр. «Известий» — специально для «Советской культуры»).

НЬЮ-ЙОРК.

● Бродвей. Таким его мог видеть Чайковский во время своего приезда в Америку.

● Зал Карнеги-холл во время гастролей Чайковского в 1891 году в Америке.

Гравюры из фонда Нью-Йоркского исторического общества, Музея Нью-Йорка и Нью-Йоркской публичной библиотеки. [Опубликованы в книге Джона Уоррака «Чайковский», вышедшей в Лондоне, в 1973 году].